

Глава 5. Жизнь под страхом, или каждый выживает, как может

Как ни тяжело приходилось нашей молодой семье в годы оккупации, однако она всё же как-то сводила концы с концами. Хуже приходилось дедушке и бабушке. Карпо, еще до войны отделившийся хозяйством от сына и потерявший по болезни былую трудоспособность, с приходом немцев лишился и пенсии – единственного денежного источника существования. Однако он не роптал. Ему не привыкать к нужде, на своем веку он повидал всякого. Теперь лишь надо вести свое домашнее хозяйство еще старательнее, бережливее да чаще... выходить на «вольную охоту».

Он никогда не возвращался домой с пустыми руками – без поживы. По дороге на станцию или обратно подберет любую железку, любую щепочку, кусочек угля на железнодорожном полотне¹⁹³... Подберет – и в кошёлку, с которой никогда не расставался: в хозяйстве всё пригодится!

Из-за этой своей привычки – подбирать ничейное или «то, что плохо лежит» – Карпо, человек по своей природе честный, порядочный, несколько раз невольно попадал в весьма скверные ситуации.

В самом начале оккупации около Малой Смелянки все собирали в поле свеклу, которая оставалась неубранной после отступления наших войск. Дед не знал, что она уже охранялась «добровольцами»¹⁹⁴. Карпо и попался. Был составлен акт, и дедушку под конвоем отвели на станцию. Потом, правда, отпустили (видимо, невелик был грех), но случившееся переживал он страшно...

А однажды идет со станции и, как обычно, что-то несет. Навстречу – немец. Увидел в руках кошёлку и суровым (так показалось деду!) тоном лопочет: «Варе, пан, варе!». «Нет, нет, я не вор, я не вор!» – оправдывался испуганный до смерти Карпо, расслышав в словах немца угрозу наказания. К удивлению деда немец его не задержал и спокойно пошел дальше. Думаю, он вовсе не порицал старика за «воровство»: он говорил что-то иное¹⁹⁵...

Спустя какое-то время дедушке, а вместе с ним и всей нашей семье, пришлось пройти еще куда более серьезное испытание.

Старосте Малой Яблоновке Путьку, успевшему отличиться старательным служением оккупантам и наделавшему в селе немало бед, потребовался подручник. Он стал настойчиво звать уважаемого односельчанина Карпа Ивановича к себе в помощь. Дед, нечего и говорить, под разными предлогами отказывался. Сколько слез было пролито им, когда в семье обсуждалась сложившаяся ситуация! Слава Богу, неприятность пронесло: Путько удалось уговорить другого человека с нашей улицы¹⁹⁶...

До поры до времени большие беды обходили нас стороной. Был, конечно, постоянный страх, но к нему постепенно привыкали; была нужда, но и с ней как-то справлялись: выручала неприхотливость, терпеливость и естественная, взращенная тяжестями прежней жизни, изобретательность исконных тружеников.

Нет спичек – перейдем на зажигалки (для нас это не вопрос: мы, как я уже говорил, сами их мастерили). Случится незадача – вспомним про огниво; кресало и кремь, это простейшее орудие для получения огня, в прошлом было обыденной принадлежностью заяд-

¹⁹³ Из паровозов и вагонов, случалось, выпадало всякое.

¹⁹⁴ Так назывались те из местного населения, кто поступил на службу оккупационным властям и помогал устанавливать им новый «порядок».

¹⁹⁵ Русскому слову «вор» весьма созвучны немецкие: Wäre (варе), означающее «товар»; Werk (верк) – «произведение, работа, дело, труд, завод». Так что фраза немца, мне кажется, относилась к экзотической для него плетеной корзинке («произведению») украинского старика или к тем вещам («товарам»), которые в ней он рассмотрел.

¹⁹⁶ После прихода Красной армии того судили, и он понес суровое наказание (не могу сказать какое, знаю лишь, что в село он уже больше не вернулся). Сам же Путько ушел с отступавшими немцами.

лого курильщика (оно оставалось весьма популярным инструментом не только во время оккупации, но и в первые послевоенные годы¹⁹⁷).

Вывелся керосин для лампы – ничего, обойдемся без освещения; в крайнем случае, воспользуемся лучиной¹⁹⁸. Глаза, зрение у нормальных людей тогда были настолько здоровыми, что можно было работать и в темноте.

Развалилась у кого-то в семье обувь – потерпим.

Раньше в теплое время года народ, в первую очередь сельский, вообще ходил босиком – и не только у себя во дворе, в огороде. Неблизкие походы на базары, по разным делам на Бобринскую, в Смелу, по окрестностям – совершались по привычке тоже босоножьем¹⁹⁹...

Нет мыла – найдем ему замену.

Наши хозяйки прекрасно стирали с помощью... глины. Занимались они этим обычно на речке, на нашем Камне. После такой, «первобытной», но испытанной жизненным опытом поколений, стирки, качество ее выходило, как мне кажется, даже лучше, нежели сейчас – с помощью современных стиральных машин и новейших патентованных моющих средств! Во всяком случае, нас оно удовлетворяло вполне²⁰⁰.

Короче говоря, отсутствие фабричного мыла особых огорчений нам не доставляло. Тем более что наши умельцы быстро научились варганить сей продукт в домашних условиях. Рецепт простой, да и для получения фальсификата требуется всего «ничего»: каустическая сода и какой-нибудь жир... Каустик тащили с производств, где и при немцах он традиционно использовался как чистящее средство. В качестве жира можно было бы брать привычное для нас сало, но кто решится переводить «сало на мыло» в условиях постоянной голодухи? Да и где его взять? Потому жир для самодельного мыла большей частью вытапливали из забитых бродящих собак...

Пропал сахар – выручат сладкие фрукты, свекла; в крайнем случае, добудем сахарина. Я помню его вкус: не угадаешь с количеством, возьмешь его чуть больше, чем нужно – и он становится... горьким!

Перевелось мясо – обратимся к рыбе.

Было у нас на окраине Бобринской заброшенное озеро-болото²⁰¹. Образовалось оно перекрытием поймы ручья Холодного железнодорожной насыпью, когда строилась линия дороги на Одессу. Заросший болотным разнотравьем, с небольшими островками открытой

¹⁹⁷ Спички тогда еще оставались дорогим товаром. В 1946 году на базаре коробок спичек, если мне не изменяет память, стоил 10 рублей.

¹⁹⁸ Держали мы про запас и самодельную карбидную лампу, но пользовались ею редко (вероятно, из-за отсутствия горючего – в просторечии «карбида»).

¹⁹⁹ Именно так, еще в начале 30-х годов, шлепал по шпалам мой отец на работу и потом выстаивал смену за токарным станком, топчась голыми пятками по горячим стружкам, вылетающим из-под резца.

Босиком трудились на поле колхозники в послевоенные десятилетия.

Босоногие женщины из Великой Яблоновки, Березняков и других сёл продолжали ходить на Бобринскую и в Смелу даже в 60-е годы! Пробегая мимо нашего достопримечательного Камня на Тясмине, они недобро косились на загоравших тут «бесстыжих» бездельников – заезжую из городов на летний отдых молодежь, среди которой бывал и я. В эти годы мы появлялись на речке уже не в мешковатых, свободного покроя, черных сатиновых трусах, как это было прежде, а в вызывающе узких, плотно обтягивающих тело, ярких плаваках. «Сором який!» – ворчали блюстительницы строгих нравов...

²⁰⁰ Когда у нас в семье, а точнее, в семье Николая, появилась простейшая стиральная машина (а было это в начале 60-х годов), то отец долго ей не доверял, а больше полагался именно на мамину стирку! «Візьміть ось цей картуз, – предложил однажды отец, подавая вконец испачканный машинным маслом и всякой производственной гадостью свой рабочий головной убор, – подивлюсь, як ця машинка постирає...» Любимый картуз, к удивлению отца, был выстиран, причем вполне прилично, и только после этого «эксперимента» мой батюшка сдался...

²⁰¹ См. карту 3 на стр. 9. Большая часть этого болота давно засыпана землей и ныне занята частными гаражами, но остатки его еще сохранились.

темной воды, этот глухой уголок природы казался необитаемым. Во всяком случае считался он безрыбным, так что редко кто проявлял к нему открытый интерес. Но однажды зимою, когда болото покрылось прочным льдом, некий малояблоновский оригинал вздумал выбраться на средину водоема и прорубить там лунку²⁰².

Не прошло и минуты, как вода в проруби начала волноваться и даже забурлила. Змеевидные твари косяками устремились к образовавшемуся окну, а оказавшись там, судорожно высовывали усатые головы свои, чтобы глотнуть воздуха... Вьюны! Рыба, да еще какая! И такое обилие, что хоть лопатой выгребай! Но лопаты или каких-либо снастей нет, а руками не возьмешь: очень уж скользкие. Пока поймавший удачу думал-гадал, как приспособиться, новость долетела до нашей улицы. Все, кто был свободен от работ, бросились на болото. Побежали и мы: мама, бабушка, а за ними, хвостиком, и я... Но успели, почитай, только к шапчному разбору. Несколько групп «рыбаков», трудившихся каждая при своей проруби, самые плотные скопления вьюнов уже выбрали. Тем не менее и мы без улова не остались – пробрили собственную лунку и сумели в итоге начерпать – хоть и не так быстро, как это получилось у первых старателей, – целое ведро замечательной болотной рыбы.

Улова нам хватило недели на полторы. Роскошнейшее, сытное и необыкновенного вкуса яство, готовила тогда мама. Блюдо называлось «холодный борщ з в'юнами». Рецепт его мама переняла у своей родительницы, моей бабушки Тины. На стол борщ подавался холодным, без разогрева, но готовился, конечно, на огне. В каком виде туда добавлялась рыба – сырая, которая потом варилась вместе с добавками, или предварительно жареная, – сказать не могу. Помню только, что тот «холодный борщ з в'юнами» обязательно заправлялся подсолнечным маслом. Неповторимое мамино кушанье запомнилось мне на всю жизнь. С того далекого времени я ничего подобного больше уже никогда не едал... Уверен: такую вкусность сегодня не сможет предложить гурману ни одно ресторанное заведение – по крайней мере в Москве.

Еще одну чудо-рыбалку я видел на Тясмине. В тот раз небезызвестный Косарский спиртовой завод, который и при немцах вырабатывал спирт, спустил в реку нечистоты²⁰³. Барда густой массой плыла по течению, гоня перед собою рыбу. У нас, возле Камня, эту, уже полуотравленную, рыбу можно было спокойно излавливать прямо с поверхности воды и набрать ее не одно ведро. Однако взрослых, которые могли бы тогда этим заняться, поблизости не оказалось, а мы, детвора, не умевшая плавать, лезть в воду боялись и могли подбирать только те экземпляры, которых прибивало к берегу... Ловля эта продолжалась недолго: «пьяную» и мертвую рыбу довольно быстро уносило течением в сторону Смелы...

Первый же свой «улов» я принес домой несколькими днями раньше.

Тихое, теплое предвечерье. Я с приятелем наблюдаю, как незнакомый дядька, устроившись на Камне, ловит пауком рыбу. Завороженными глазами смотрим со стороны, как каждый раз при подъеме снасти на дне сетки серебром плещется «рыбка большая и маленькая». Подходить близко не решаемся. Мальцы, а уже знаем: рыбаки предпочитают уединение, тишину и не любят, чтобы рядом кто-то шумел. Не выдерживаем: «Дядьку, а можна подивитись на вашу рибу?» – «Та дивіться!» – понимающе отвечает старый рыбак. Мой приятель, быстро удовлетворив свое любопытство, ушел искать новых приключений, а я остался. В ведре, наполовину наполненном водой, накопилось уже с полсотни всяких рыб и рыбешек. Некоторых я видел впервые. Поначалу я только их разглядывал, а потом, осмелев, стал перебирать руками. Самая большая, с золотистой чешуей и огненно-красными плавниками, рыбина «приглянулась» мне особенно... И когда рыбак в очередной раз отвлекся, я быстренько сунул ее в карман и бочком-бочком удалился.

²⁰² Дело было, как мне кажется, в первую зиму оккупации.

²⁰³ Завод в Косарях, селе за Каменкой, случалось, отравлял воды Тясмина и в прежние, дореволюционные и советские времена; грешил он этим и после войны.

Я был в таком возрасте, что уже понимал: чужое брать нельзя! Тогда зачем я такое сделал? Толкового объяснения своему дурному поступку я не нахожу. Хотя ту рыбу я принес домой, она и коту Азику не досталась, и в пищу не пошла (взрослые даже не видели моей «добычи»). Вдоволь с ней наигравшись, я, скорее всего, просто где-то ее оставил или бросил в колодец...

По малолетству, я еще не знал, что любой рыбак прекрасно представляет, сколько и какой рыбы он поймал, а уж о самой большой рыбине своего улова и говорить нечего... Некоторый опыт в этом смысле я приобрел на следующий день, когда снова отправился на реку. На Камне опять рыбачил прежний старик. Не ожидая ничего худого, подхожу. «А! Це ти злодюжка! А ну геть звідси, поки вуха не надрав!» Лишь в этот момент я спохватился – вспомнил о своей вчерашней выходке и дал дёру.

Таким был мой первый грех.

Главное вспоможение для выживания семьи в условиях оккупации доставлял, естественно, наш огород. Как-никак, а это почти с полдесятины земли – на шесть, правда, ртов. Досыта такой огород, конечно, не накормит, но и с голоду умереть не даст. Среднего урожая хватало, чтобы наготовить запасов на целый год. Сажали мы разнообразную огородину – всё, что шло в пищу. Первым овощем, как и прежде, оставался картофель; за ним шла кукуруза... Последняя, должен заметить, в годы оккупации пользовалась весьма широкой популярностью.

Не последней семейной кормилицей была у нас корова. К сожалению, мы ее вскоре потеряли: нагадил один из уличных предателей – тот самый Гордиенко, который жил над «ярком» и которого я уже упоминал. Отвечал он за продовольственные заготовки в целом районе, немцам служил не сказать чтоб чересчур усердно, но исправно. Что же произошло?

Дело в том, что в конце нашей улицы, при выходе к железной дороге, мы с этим Гордиенко занимали соседями небольшие пустовавшие участки земли. Так вот, куры того Гордиенко легко преодолевали простенькую ограду между участками и постоянно «шкодили нашу городину». Неоднократные жалобы на те вредительства оставались безответными. Тогда мама, увидев очередное нашествие пакостниц, одну из них убила и перебросила на сторону хозяина. После этого Гордиенко затаил на Коваленків злобу. Маму вызвали в сельскую управу и предупредили: беді вам теперь не миновать. Так и случилось: Гордиенко приказал сдать на заготпункт нашу корову. Мама с дедом Карпом лично отвели буренушку в Смелу!

После этой тяжелой потери и треволений мы никакой домашней живности держать уже не решались. В условиях произвола, насилия и регулярных поборов оккупационных властей, точно так же предпочитали поступать и другие односельчане.

Находились, конечно, и рискованные головы. Где наше не пропадало! И заводили поросенка.

Гарного, помню, кабанчика удалось выкормить Ивану Зайченко²⁰⁴. Пришло время его резать. Позвал он для такого дела моего отца, который слыл на улице опытным свинобоем и к тому же был своим человеком (с этим Зайченко мы вошли в близость через замужество тетушки Ольги с сыном Ивана).

Все прекрасно знают, каким истошным визгом заходится свинья, когда ее режут. Он длится добрую минуту и разносится по окрестностям. Вот и стал отец с напарником думать-гадать, как зарезать хряка, чтобы не было большого шума и никто ничего не успел заподозрить. Решили действовать в темное время и животное не резать, а забить. Треснем, мол, кабана обухом по затылку и – готово!

²⁰⁴ См. пункт 22 на стр. 11.

Зашли в саж. Тесно – шагу не ступить. И перекрытие над головой такое низкое, что не выпрямишься, а тут надо как следует размахнуться. Будущая жертва почуяла неладное... Но отступить некуда.

Отец: «Попробуем!» Приготовился, как мог, и – хрясь приговоренного по башке. А кабана хоть бы что, только уперся задом в стену сажа. Она затрещала и вот-вот рухнет. Чтобы не оказаться под обломками, пробное свиноубийство прекратили...

Нет, надо возвращаться к традиционному способу – будем резать! Спустия какое-то время, уже в другой день (дали хряку успокоиться), состоялась вторая попытка одолеть здоровяка. И в этот раз действовали с выдумкой. Накинули на голову кабана торбу с пеплом – тот рванулся, заверещал пару раз во всю глотку, но захлебнувшись пылью, быстро умерил визг. Дальше уже наши мастера действовали по традиционной схеме: зная каждый свой маневр, навалились на соперника и отец прикончил его своим верным кинжалом...

Как тушу смалили и как отец потом ее разделявал (и это всё при строгом соблюдении условий конспирации!), не знаю. Зато в памяти отложился финал «подвига» отца. Когда Павло получил положенное колюю вознаграждение (обычно оно давалось натурой – поря дочным кусом мяса и полосой сала), то в изолированной, скрытой от чужих глаз, дедушкиной комнате, закатил с напарником пирушку. Достали и самогону, так что гульнули вволю...

После войны, когда тяготы, мучительные испытания и страхи, перенесенные в годы оккупации, отошли в прошлое и стали подзабываться, вся эта история с кабаном в нашей семье вспоминалась всякий раз с юмором...

Жизнь между тем шла своим чередом... Как мы уживались с оккупантами?

Сразу должен заметить: в Малой Яблоновке больше всего народ страдал от «своих» – полицаев и добровольцев.

Последние, из кавказцев, знаю, держали своих коней у Скрынников. Непрошенные постояльцы частенько водили их купать на речку; за ними тут же увязывался Володька – хозяйский мальчишка. Однажды, когда возвращались домой, ему разрешили проехаться верхом. Конь шел сначала спокойно, но когда подходили к хате, понесся вдруг вскачь и, влетая в сарай, на свое место, едва не сбросил перепуганного седока, – ему чуть было не снесло голову в проеме входной двери...

Тревожили добровольцы и нас. После того, как мы потеряли корову и освободился коровник, «гости» устроили в нём конюшню. И сделано это было не без наводки нашего обидчика, мстительного Гордиенко.

Что же касается собственно немцев, которых мы у себя видели, то это были, как я сейчас понимаю, тыловые подразделения, занимающиеся материально-техническим обеспечением боевых частей. Репрессии местного населения в их функции не входили, хотя, конечно, и от них можно было схлопотать беду.

Дольше всех в нашей Яблоновке держалось какое-то автотранспортное формирование. С этими немцами мы близко соприкасались летом 1943 года.

Грузовые автомобили стояли тогда во многих дворах (по крайней мере, на нашей улице). Наш просторный двор, к примеру, занимал грузовик с закрытым кузовом (в нём была оборудована передвижная мастерская с соответствующим оборудованием). Только во дворе одиноких Липы и Прокопа Зименковых, большая свободная комната которых приглянулась самому командиру части, красовался легковой автомобиль.

Грузовики частенько раскатывали и по улице. Однажды рядом с нами случилось серьезное происшествие: один наш парень не успел увернуться от машины, и она задним колесом проехала по его ногам. После такого наезда юноша должен был остаться калекой.

Но к удивлению всех, хлопец отделался лишь легким испугом и буквально на следующий день уже бегал, как прежде²⁰⁵...

Многое в поведении немцев нам казалось необычным.

Какая же это у них военная служба? Скорее, заурядная работа, – как в мирное время. Только и того, что живут «по квартирам».

У нас на постое было двое немцев. Обычные трудяги. Ночевали в гостиной, и особых неприятностей нам не доставляли. Скажу больше: относились к нам с пониманием и даже некоторым сочувствием. Один из «квартирантов» хорошо знал русский язык и в прошлом, как мне кажется, имел какое-то отношение к России или Советскому Союзу²⁰⁶. С нами был откровенен, не скрывал своего негативного отношения к войне, к Гитлеру; рассказывал о новостях с фронта, предупреждал о подстерегающих опасностях: «В присутствии того вон немца, – показывал он, бывало, на кого-то из своих сослуживцев, – вы помалкивайте, он плохой человек, фашист. Что-нибудь сболтнете лишнее, потом беды не оберетесь...»

Однажды мама получила урок: язык лучше держать за зубами независимо от того, с каким немцем имеешь дело.

Как-то зашла к Липе Зименковой. Ее постоялец, строгий офицер, который одним лишь своим мрачным видом нагонял на всех страх, отсутствовал – уехал куда-то по служебным делам. Стоят наши женщины у входа в хату, балакают без опаски о том о сём. А на улице между тем разворачивается забавная сценка: мимо, театрально восседая на коне, неспешно проплывает некий немец. В руках знаменем держит свежесломанную, густо усыпанную еще не вполне созревшими плодами, ветку яблони-скороспелки. При этом с хрустом грызет и аппетитно вкушает только что сорванное со своей «хоругви» яблочко. Картинка из водевиля!

«Ой, дивись, яка комедія!», – громко, всплеснув руками, обращается мама к Липе. А немец, улыбнувшись, в ответ гогочет: «Я, я, комедия, комедия!» «Фриц» понимает украинскую «мову»? Он слышал, о чем они до этого судачили? Достанется же им теперь! У «преступниц» душа тут же в пятки ушла – так и присели...

Разве могли малограмотные женщины знать, что слово «комедия» на большинстве европейских языках звучит похоже и что, кроме этого слова, немец ничего больше из их разговора разобрать не мог? Слава Богу, грозу пронесло – благодушный комедиант удалился...

Подобные курьёзы приключались редко, а вот немецкую пунктуальность, аккуратность, трудолюбие и прочие черты национального характера и быта, – эти качества немцев мы имели возможность наблюдать каждодневно...

Вставали они рано. Дальше всё шло по заведенному порядку. Сначала – неспешный утренний туалет. Раздевшись по пояс, принимали водные процедуры, чистили зубы, тщательно выбривались, в завершение чего непременно освежались одеколоном. Двор заполнялся приятными, дразнящими наши носы, ароматами... Потом служивые расходились по рабочим местам, и мы их практически не видели до вечера. Если только не случалось чего-нибудь неординарного...

Показательный для нас пример немецкой организованности и предприимчивости.

От удара молнии загорелась соломенная крыша хаты бабы Паши. Семья выскочила во двор, сбежались ближние соседи... Мечутся в панике, размахивают в отчаянии руками, ахают, но никто не знает толком, что делать, – полная растерянность. Выбежали и мы все, сгрудились кучкой у задней, тыльной, стены нашей хаты – на меже с Зименковыми. Пла-

²⁰⁵ Я помню его еще по паре эпизодов во время оккупации, после чего он навсегда исчез из виду. Как мне сейчас представляется, парень тот был, строго говоря, не местным. Он лишь временно проживал где-то поблизости – вероятно, у той же нашей соседки бабы Паши, напротив которой и случилось происшествие.

²⁰⁶ Могу предположить, что он был выходцем из поволжских немцев.

мя рядом – в нескольких десятках метров. Огненные хлопья взмывают ввысь, разносятся по округе... Переживаем... Куда повернет их порывами ветра? Как бы не попали на нашу крышу! Хотя она железная, в некотором роде огнестойкая, но можно ли сейчас думать об этом спокойно? Что такое массовый пожар в селе, когда красный петух перелетает с одного строения на другое, когда горит всё подряд и огнем опустошаются целые улицы, – такую стихию наши старики знали не понаслышке.

И тут вдруг, откуда не возьмись, появляется немец. Расставил зевак по местам, четко распределил обязанности – кому бежать за ведрами, кому таскать воду, кому работать самодельными подручными шестами вместо багров... И дело завертелось. Пожар был побежден. Был ли он потушен исключительно усилиями свежеиспеченных «огнеборцев» или погас больше от дождя, сказать с определенностью сейчас не могу; помню лишь, что серьезного ущерба Зименковым тот пожар не нанес (крыша их хаты вскоре была восстановлена)²⁰⁷ ...

Питались постояльцы где-то в общей столовой, однако, при желании, могли и дополнительно подкрепляться продуктами, которые хранились в отдельных, групповых кладовках. У Ивана Зайченко, скажем, было устроено хранилище копченостей и других мясных изделий. В нашей хате, в «коридоре», держались кондитерские изделия: конфеты, печенье, вафли... Проходя каждый раз мимо, я косил взгляд сквозь просвет в занавеске на красивые, возбуждающе пахнущие, упаковки сладостей и только облизывался. Я понимал: тут даже приостанавливаться опасно. Воровство у немцев каралось строго: за это можно было попасть и под расстрел. И о таких случаях все слышали...

Любой из немцев, квартировавших рядом с мини-складами, имел свободный к ним доступ и мог во всякое время брать оттуда всё что угодно и сколько угодно.

О том, что кто-то из местных жителей рискнет посягнуть на чужое, немцы думать не хотели. Никто за припасами не присматривал, никто не вел учета их расхода.

Какие же немцы простаки! Знали бы они, как наш брат любит искушать судьбу и полагаться на «авось», то так беспечно не поступали бы.

Парень, проживавший у Ивана Зайченко (кажется, тот, что помогал моему отцу валить хозяйского кабана), понаблюдал за тем, как немцы расходуют припасы, да и сам стал к ним прикладываться. Отрежет ломтик-другой окорока, прихватит кусочек зельца – и к нам. Затворятся с отцом в укромной дедушкиной комнате и смакуют. Даст Бог, пронесет! И – пронесило...

Подражая дерзости взрослых, шкодничал иной раз и я – таскал печенье и конфеты, «которые плохо лежали» в нашей кладовке. Старшие в нашей семье об этом моем «геройстве» даже не подозревали. Теперь, в свои седые годы, я иногда в разговорах шучу: то был мой «вклад в борьбу с оккупантами». Как в той басне: «И мы пахали!»

Продовольственные запасы немцев заметно скудели только в дни праздничных застолий. В нашей хате они пировали дважды: в день рождения командира и на Рождество²⁰⁸. Первый праздник в памяти отложился смутно: знаю только, что виновник торжества лично на нём не присутствовал и что подчиненные «гуляли» скромно, без размаха. А вот второй запомнился во многих подробностях.

Готовились к нему долго и тщательно. Всю нашу семью загнали тогда в спальню, приказали без спроса оттуда не высываться, а для острастки оставили в кухне здорового пса. Постороннему пройти мимо невозможно. Цербер, привязанный длинным поводком к стойке над прыпичком, сторожил вход в гостиную и всё пространство вокруг себя.

Посматриваем в щель приоткрытой двери спальни, прислушиваемся...

²⁰⁷ Зять бабы Паши, Васыль, как я уже говорил, служил полицаем, и немец, организовавший тушение пожара, скорее всего, знал об этом. Вряд ли он пришел бы на помощь обычным жителям, если бы это было не так. Да и крыша была отстроена заново не без содействия немцев своему прислужнику.

²⁰⁸ Это был, как мне представляется, декабрь 1942 года.

Вокруг плиты хлопочут нижние чины – готовят горячие блюда. Чистят, варят картошку (получится в результате большущая кастрюля), жарят мясо... Сносятся из уличных запасников продукты для холодных блюд, напитки, табачные изделия... К большому раздвижному столу в гостиной перетаскивают наш обеденный стол, приносят откуда-то еще один. Из набора составляется общий Т-образный стол. Наш, раздвижной, – на своем месте, вдоль уличной стены; другие приставлены к нему перпендикулярно...

Наконец, всё готово. Народу набралось десятка два с лишком.

Ждем, что будет дальше.

У нас как? Садимся за стол, выпиваем по первой стопочке, закусываем; за первой идет вторая, закусываем и т.д.

У них – совсем по-другому. Чинно рассаживаются... Молча едят, едят, бегают на кухню за новой переменной блюд. Заправляются плотно – досыта... И только после этого наступает черед настоящего кутежа. Выставляются десерт, напитки, сигареты. Принимается на грудь первая, вторая, следующая... Десерт забыт, вместо него теперь – только курево... Развязываются языки, гремят тосты, хата заполняется клубами табачного дыма...

У немца, заглянувшего в кухню, прошусь на улицу – в туалет. Пока тот придерживал овчарку, проскальзываю по двор... Возвращаясь в хату, застреваю в проходной двери коридора – жду, чтобы кто-нибудь убрал в сторону псину, злобно посматривавшую на меня²⁰⁹...

В гостиной тем временем идет полный разгул. На стол влезает потерявший приличие гуляка, спускает брюки и, лавируя с голым задом меж тарелками и приборами, начинает выделывать всякие коленца. За ним, под гогот развеселой компании, карабкается другой такой же, чтобы выкинуть свой номер... Кто-то раскатисто, в открытую, пускает газы... Мы давно заметили у немцев эту непозволительную для нас привычку – пердеть, когда и где приспичит. Для нас, «темных и грубых туземцев», – это срам великий; для несущего высшую «культуру» немца – невинная привычка!

Гулянка та продолжалась до глубокой ночи...

С утра – опять рутина будней...

После дневных работ у немцев повторялся утренний ритуал. Наши мужчины не верили своим глазам: «фрицы», оказывается, бреются дважды в день! Дальше, вечером, – личное время. Отдыхали, развлекались, кто как мог.

Выползаем, бывало, из дворов на улицу и мы, детвора. Играем как-то на привычном для нас месте – около Юрка и Шурка Бобрицких. Сюда автомашины почти не заезжают, и улица покрыта сплошным ковром спорыша. Рядом мирно щиплют травку гуси наших Бобрицких: две гусыни и их важный предводитель – гусак. Из ярка тем временем показывается немецкая парочка – прогуливаются. Кавалер – в чине младшего офицера, его спутница – с серьезным видом, в форменной одежде, фрейлейн. Болтая, спокойно прошли мимо нас в одну сторону, возвращаются обратно... И тут вдруг гусак, грозно шипя, вытянув шею и хлопая крыльями, яростно бросается на немку. Дамочка ошеломлена: визжит, орет, брыкается, а отбив первую атаку, бежит... Гусак преследует «неприятеля», догоняет и снова норовит куснуть за открытые ноги... Чтобы домашняя птица так ожесточенно кидалась на людей, раньше мне видеть не приходилось. Мы притихли, наблюдаем за сценой. Как бы за свою агрессию гусь не поплатился головой...

²⁰⁹ С непредсказуемой реакцией немецких служебных собак до этого я уже сталкивался.

Была у нас во дворе, под самым забором, у калитки, скамейка. Стою как-то на ней, подтягиваюсь на цыпочках и, вытягивая шею, наблюдаю, что творится на улице. А там как раз проходят двое немцев с собакой. Чувствуя себя в полной безопасности за высоким, по моим понятиям, барьером, я, помню, то ли сделал какой-то жест в сторону овчарки, то ли что-то нелестное пробормотал в адрес немцев. Отлично натасканная бестия, признав во мне опасного чужака, одним прыжком перемахнула через забор и бросилась на меня. К счастью, вожатый собаки успел дать команду оставить «жертву», иначе я мог бы за свое детское безрассудство и наивность поплатиться не только разодранными штанами, но и здоровьем.

А что бравый кавалер? отошел в сторонку и гогочет, гогочет во всё горло! Ну и защитничек! Гусь лапчатый, и только! Короче говоря, – очередная комедия!

Какую угрозу наш гусак учуял в немке, сказать не могу. То ли какой-то ее жест показался ему провокационным; то ли от нее несло неприятным, незнакомым запахом; то ли чем-то не понравилось ее обмундирование – не знаю. Очевидно одно: гусак – умная скотина – увидел в немке вражину...

Иногда немцы устраивали и коллективные развлечения – в частности, футбольные состязания. Обычно они вызывали поиграть в мяч нашу, малояблоновскую, молодежь. Хлопцы в таких случаях поначалу терялись, не зная, как поступить.

Отказываться от встречи опасно – накличешь на свою голову неприятностей; входить в отношения с оккупантами тоже противно. Но как влек соблазн погонять, не какую-то, привычную для наших любителей игры, кустарную поделку, а настоящий, кожаный, футбольный мяч! А при этом еще мерещилась возможность хотя бы на футбольном поле помстить врагу за причиненные несчастья...

В конце концов вызов немцев наши парни принимали...

Футбольные «схватки» проходили на выгоне. На той самой холмистой поляне, которая до войны служила «аэродромом» для известного нам залетного воздушного извозчика, ставились из простых жердей «ворота» – и спортивная арена готова!

По воспоминаниям свидетелей, в первом матче немцы наших здорово потрепали. Иначе и быть не могло. У противника – опытная, сыгранная, команда сытых дядек с полной экипировкой. У наших – стихийная компания полуголодных, наивных любителей. О тактике футбола наши «мастера» имели весьма отдаленное понятие и играли большей частью по принципу «бей-бегй!», причем, щадя свою повседневную обувь, мяч гоняли босиком... Главное тут – азарт и самоотверженность, нежели какой-то расчет и мастерство...

Понабивав в первой встрече синяков и шишек, расстроенные донельзя малояблоновцы «зализывали раны». Возмущались: судья-немец подсуживал своим, разрешал замены, чего мы не могли себе позволить из-за неполного состава команды, а в конце игры у них на поле было даже больше игроков, чем у нас! В общем, гады-немцы!

Ко второму поединку готовились основательнее. Подумали о плане на игру, о расстановке игроков на поле. В бэки²¹⁰ был поставлен парень, который сильнее всех отбивал мяч от своих ворот. (Тут наши воспользовались опытом ребят из Малой Смелянки. Они назначали в защитники того, кто был способен буцнуть мяч... выше сельской церкви.) Оговорили с противником, насколько это было возможно, условия проведения матча (не играть же им, к примеру, всё время против ветра, как в первый раз).

В этот раз наша команда билась еще яростней. Кому досталась победа в той баталии, выдумывать не стану: давно это было. Могу сказать с определенностью лишь от одной нашей потери. Помните того соседского хлопца, которого переехала немецкая машина? Он и теперь серьезно пострадал – получил тяжелый вывих большого пальца ноги...

В третьем матче наши парни встречались, кажется, с кем-то из союзников немцев, кого временно заносило в наши края. Кто это был, можно только догадываться. Некоторый анализ источников, проведенный мною сейчас, когда пишутся эти строки, показывает, что вероятнее всего это были венгры. Помню, как их зазывали, проходя улицей и заглядывая направо-налево через заборы во дворы, кричали что-то вроде: «Футбол, давай-давай, выходи...»

Находили немцы развлечения и на станции. Там в выходные дни собирался духовой оркестр. Музыка помогала всем хотя бы на короткое время отвлекаться от тягот и волнений военного времени.

²¹⁰ Устаревшее название футбольного защитника (от англ. *back*, т.е. «задний»).

53. На Бобринской играет смешанный, русско-немецкий, духовой оркестр.
Май 1943 г.²¹¹ Фото Вальтера Холлнагеля

Оркестр играет в простенькой, под крышей, беседке для отдыха. На заднем плане – редкие для станции того времени большие жилые дома (по меньшей мере двухэтажные и с балконами)²¹².

Если увеличить масштаб снимка, увидим в центре его, за стенкой беседки, макушку пацана, слушающего оркестр! Судя по росту, – мой ровесник!

А нет ли на снимке среди «наших музыкантов» Левка Федорца? В одном из источников по партизанскому движению этот скользкий тип и фашистский прислужник упоминается как «начальник депо» станции. Знаю также, что Федорец до войны много лет играл в духовом оркестре вместе с моим двоюродным дядей, Леонидом Яковлевичем Ревенко²¹³, так что музицированием мог заниматься и при немцах.

Добавлю вот еще что: Левко, подозревая, что его довоенный «товарищ» активно сотрудничает с подпольщиками, попытался его разоблачить – настучал о его неблагонадежности немцам. Ревенко вынужден был немедленно бежать к партизанам... Но это уже другая история, и к ней мы еще вернемся.

²¹¹ Шмидт датирует снимок 1943 годом. Я уточняю: это первые числа мая 1943 года. Именно в это время в Смеле, как хорошо известно смелянам, пышно расцветают сады (цветущие деревья мы видим перед домом).

²¹² Уверенно определить местонахождение этих объектов мне пока не удалось. Смею предположить, что они располагались на территории, ограниченной сегодняшними улицами Лобачевского, Краснопресненской, Октябрьской и Московским переулком... Возможно, они находились среди тех, которые виднеются на горизонте на фотографии 52-2 (за фигурой лошади).

²¹³ По-домашнему мы его называли «дядя Лёня».